

Текст 10. А. Грин «По закону»

Наконец я приехал в Одессу. Этот огромный южный порт был, для моих шестнадцати лет, дверью мира, началом кругосветного плавания, к которому я стремился, имея весьма смутные представления о морской жизни.

Я проводил дни на улицах, рассматривая витрины или бродя в порту, где на каждом шагу открывал Америку. Здесь бился пульс мира. «Береговой командой» были матросы, кочегары и другие мелкие служащие, почему-либо неспособные временно находиться на корабле. Можно здесь было встретить также отставшего от рейса молодого матроса или живущего в ожидании места какого-нибудь старого служащего.

Отсюда-то и совершал я свои путешествия в порт, упиваясь музыкой рёва и грома, свистков и криков, лязга вагонов на эстакаде и звона якорных цепей, а также голубым заревом свободного синего Чёрного моря. Я жил в полусне новых явлений. Тогда один случай, может быть незначительный в сложном обиходе человеческих масс, наполняющих тысячи кораблей, показал мне, что я никуда не ушёл, что я не в преддверии сказочных стран, полных беззаветного ликования, а среди простых, грешных людей.

В казарму привезли раненого. Это был молодой матрос, которого товарищ ударил ножом в спину. Поссорились они или не поделили чего-нибудь — этого я не помню. У меня только осталось впечатление, что правда на стороне раненого, и я помню, что удар был нанесён внезапно, из-за угла. Уже одно это направляло симпатии к пострадавшему. Он рассказывал о случае серьёзно и кратко, не выражая обиды и гнева, как бы покоряясь печальному приключению. Рана была не опасна. Температура немного повысилась, но больной, хотя и лежал, ел с аппетитом и даже играл в карты с соседями.

Вечером раздался слух: «Доктор приехал, говорить будет». Доктор? Говорить? Я направился к койке раненого. Доктор, пожилой человек, по-видимому сам лично принимающий горячее участие во всей этой истории, сидел возле койки. Больной, лёжа, смотрел в сторону и слушал. Доктор, стараясь не быть назойливым, осторожно и мягко пытался внушить раненому сострадание к судьбе обидчика. Он послан им, пришёл по его просьбе. У него жена, дети, сам он военный матрос. Он полон раскаяния. Его ожидают каторжные работы.

— Вы видите, — сказал доктор в заключение, — что от вас зависит, как поступить: «по закону» или «по человечеству». Если «по человечеству», то мы замнём дело. Если же «по закону», то мы обязаны начать следствие, и тогда этот человек погиб, потому что он виноват.

Была полная тишина. Все мы, сидевшие, как бы не слушая, по своим койкам, но не проронившие ни одного слова, замерли в ожидании. Что скажет раненый? Какой приговор изречёт он? Я ждал, верил, что он скажет: «По человечеству». На его месте следовало простить. Он выздоравливал.

Он был лицом типичный моряк, а «моряк» и «рыцарь» для меня тогда звучало неразделимо. Его руки до плеч были татуированы фигурами тигров, змей, флагов, именами, лентами, цветами и ящерицами. От него несло океаном, родиной больших душ. И он был так симпатично мужествен, как умный атлет...

Раненый помолчал. Видимо, он боролся с желанием простить и с каким-то ядовитым воспоминанием. Он вздохнул, поморщился, взглянул доктору в глаза и нехотя, сдавленно произнёс:

— Пусть... уж... по закону.

Доктор, тоже помолчав, встал.

— Значит, «по закону»? — повторил он.

— По закону. Как сказал, — кивнул матрос и закрыл глаза.

Я был так взволнован, что не вытерпел и ушёл на двор. Мне казалось, что у меня что-то отняли.

С этого дня я стал присматриваться к морю и морской жизни с её внутренних, настоящих сторон, впервые почувствовав, что здесь такие же люди, как и везде, и что чудеса — в самих нас.

Александр Грин — русский писатель-прозаик и поэт, представитель неоромантизма, автор философско-психологических, с элементами символической фантастики, произведений.

